

ЛТО: ХОРОШО ЗАБЫТОЕ БУДУЩЕЕ

Виллен Лагун, педагог, журналист

И снова об идолах и идеалах. Кажется, труд только идеалом быть и может. Но как его организовать, если есть единственный всеобщий эквивалент, и он у одного выше, у другого — ниже? Опять обращаемся к идолам? А может, посмотреть на это дело иначе? Лагерь труда и отдыха — время жизни, когда постигаются азы деятельности, когда руки становятся чуть шершавыми, а сердца бьются особенно горячо. ЛТО — способ становления личности, если рядом педагог, способный заинтересовать, увлечь, повести за собой. Зачастую и сам он именно при организации летнего трудового дня раскрывает свои возможности, которые не успел или не смог обнаружить в строгой тишине школьного урока.

Было время, когда пребывание в ЛТО учителя считали чуть ли не каторжным трудом: дощатые бараки, повсюду валяющиеся «бычки» как протест против специфического «учебно-воспитательного процесса». Но всякое время делают люди — создают образ и облик эпохи десятилетия, года. Ведь были и такие лагеря труда и отдыха (более точной было бы название «трудоового отдыха»), где мальчишки во главе с воспитателем бегали рвать цветы на рассвете, чтобы девочки проснулись в «оранжерее»! Где была самая вкусная вода из родника и потрясающий хлеб, который казался сказочным после городского меню. Где до звёзд (а их летом увидит не каждый) звенели в ребячьем кругу любимые песни об отчаянных делах, бескомпромиссных путниках, крутых скалах, далёких странах...

Я не помню, чтобы дети когда-нибудь столько смеялись, как в ЛТО... Жгучий полдень. Грядки свёклы кажутся бесконечными... и вдруг — ура! Едет обед. Можно глубоко пожалеть того человека, которому не привозили обед в

поле. Мы бежим к машине, расхватываем миски и не замечаем, как набегают тучи. И когда мы уже устраиваемся с горячим борщом поудобнее, с неба вдруг обрушивается ливень. Спрятаться некуда. Дождь хлещет как из ведра. Со стороны мы выглядим, наверное, очень глупо: бегаем с мисками по полю и громко хохочем; некоторые стараются залезть с миской под машину, кто-то стоит столбом и, невзирая на струи дождя, пытается, быстро работая ложкой, съесть поскорей свой обед, но ливень наполняет миску снова. Всё это невообразимо интересно, интригующе!

... Кормили нас неплохо: сегодня на обед на третье дали по пол-арбуза. Работа — нормальная, обычная. Но дети были другого мнения, что находило яркое отражение в лагерном эпосе самостоятельных композиторов и поэтов. Наибольшей любовью пользовались песни «страдальческого» плана, в которых ребята изображали самих себя «каторжниками», воспитателей — бездушными и коварными «надсмотрщиками». И почти в каждой песне с глубокой тоской вспоминалась мама. Где же правда? Чтобы решить этот вопрос, отправимся в поле на прополку — это самый распространённый вид летнего детского труда. Если вы имеете

о прополке представление лишь по «литературным источникам» или ваш опыт не выходит за пределы домашнего огорода, то самые запоминающиеся страницы жизни вы пока не открыли. Человека, прополовшего несколько километров грядок, можно смело посылать хоть на край света: любое дело (после прополки) ему покажется безделицей и к тому же будет исполнено глубокого творческого смысла.

... Грядки уходят за горизонт. Одна из них — твоя. Через полчаса достаточно одного взгляда на поле, чтобы писать диссертацию о трудовом воспитании в семье и школе. А желания писать её нет: здесь, на грядке, — настоящее воспитание в труде и через труд. И не вспоминаешь о научности, проблемности. Но и не забываешь о том, что природосообразное — это всегда проблемное. Один подошёл к другому, что-то стали выяснять и... А воспитателю положено быть ещё и примером — как оказаться одновременно всем?

— О чём спор?

— Они базарят, а мы вкалываем! Это правильно?

Что ответить? Как погасить конфликт? Можно ли начать оправдывать неумение? Пригрозить двойкой по поведению? Стать охранником?

Можно ли обвинить тех, кто отстаёт? Чаще всего нет. Педагогические «ножницы»: спрашиваем, не обучив. Ведь для большинства школьников ЛТО — стремительный переход от полного трудового безделья к сравнительно тяжёлой работе. А для нас — от академической тишины урока к бурному разнообразию лагеря.

«Щелкунчики»

Меня мама провожала,
Глаза полны от росы,
Кубометр вафель давала,
Десять метров колбасы.
(Из шуточной песни ЛТО)

А «кубометр вафель» действительно был. Огромный комод, заполненный до отказа сладостями, привезёнными родителями, величественно красовался в нашем коридоре, тревожа покой местных крыс.

Многих родителей не покидали страхи, что их дети в ЛТО голодают, изнурены непосильным трудом. Вот две записи летописцев (были и такие в ЛТО).

«Сегодня на совете бригадиров было предложено ограничить выдачу сахара (наядбничали, наверное, девочки). Тяжело было, конечно, но пришлось проголосовать за предложение завхоза — «не класть в кружку больше восьми кусков сахара».

«Вчера познакомились на работе с местными трактористами: молодые ребята, старше нас всего на год-два. Пригласили к себе обедать. Обед, как говорится, прошёл в дружеской и тёплой обстановке, то есть хохотали до упаду.

Всю жизнь мою я любил и люблю умственный труд и физический и, пожалуй, даже больше второй.

И.П. Павлов

Странно: трактористы смогли съесть

только щи и компот, а наши девы ещё по полной миске каши, я уже не говорю про троглодитов» (так ласково называет летописец наших мальчиков).

Конечно, у подростка, да ещё на лоне природы, да ещё в компании аппетит зверский, но за всё время наших лагерей труда и отдыха никто никогда не терял в весе. Правда, приходилось дополнительно объявлять «коммунистическим» (то есть ешь сколько хочешь) какой-нибудь продукт. В зависимости от местных условий это были молоко, хлеб, овощи или фрукты.

Тревожило другое: привередливость в еде, небрежное отношение к пище, эгоизм. Порой, нагружая доверху свою тарелку, подросток не думал: а что достанется другим? По ночам слышалось иногда, как хрустели «щелкунчики» — так называли тех, кто, не делясь со своими товарищами (нарушая законы ЛТО), грыз под одеялом «личные» сухари или сушки. А отношение к ним — проблема, и серьёзнейшая.

Режим дня

Родителям всегда разрешалось приезжать в ЛТО в любое время.

Отцу Нины П. было разрешено (по его просьбе) вести «агитацию» против ЛТО. Было обидно ему, что дочь предпочла поездку в лагерь со своими одноклассниками шикарному круизу с мамой и папой. (Папа — большой начальник.) Приезжал в лагерь трижды (не поленился) на своей машине, собирал ребят и говорил об ужасах быта в лагере. Но волноваться не приходилось: я знал своих ребят. Да и папа скоро признал своё поражение. Он, видно, не был знаком с высказыванием одного из друзей дочери: «ЛТО дал мне возможность хорошо отдохнуть от родителей».

Всякий труд благороден, и благороден один лишь труд.
Т. Карлейль

Среди ужасов быта на первое место высокопоставленный папа ставил ранний подъём. Конечно, можно было и не вставать в 5, а встать в 6 или в 7 часов, но когда ещё подросток-горожанин сможет услышать и увидеть на рассвете лес, полный птиц?

У большинства городских школьников смещён режим дня. Казалось бы, все родители знают, что если ложиться поздно, то утром ребёнок вял и безынициативен, не делает зарядки, почти не ест, его день начинается плохо. Знают, но всё равно ложатся после полуночи, насмотревшись триллеров. В ЛТО таким ребятам тяжело. Можно перечислить множество форм педагогического воздействия на тех, кто забыл проснуться: от самых интеллигентных типа «встаньте, пожалуйста» до сдёргивания одеяла (некоторые продолжали спать и так) или обливания холодной водой. Команда о подъёме могла сопроводиться голосом, музыкальным инструментом (в основном барабаном или трубой) или... Но об этом лучше не говорить. Иногда казалось, что мы пытаемся вернуть людей из летаргии. Сильнее других действовало: «Не хочешь вставать — останешься без завтрака». И всё равно ребята продолжали спать — одеваясь,

отругиваясь от дежурных, за завтраком, по дороге на работу. Спали, даже пытались маршировать в столовую.

У нас в пятигорском лагере было установлено жёсткое время между подъёмом и отправкой автобуса от дома. Любители поспать хватали со стола свои завтраки и мчались за автобусом, жестами умоляя остановиться. Помню, кто-то бежал с кружкой кофе, отхлёбывая на ходу... Дорога была плохая, и некоторым удавалось догнать автобус.

Столь же нелегко было с отбоем. Ведь если ты дома ложишься спать около двенадцати, то довольно затруднительно на лоне природы заснуть в десять, да ещё когда есть возможность всю ночь петь у костра. Вместе с отбоем в спальне мальчиков начинались бесконечные рассказы всех жанров. Когда рассказчики выдыхались, оказывалось, что кого-то мучает жажда, а другой с ужасом вспоминал, что лёг с грязными ногами и этого ему не пережить. И когда, наконец, мне казалось, что все спят мертвецким сном, где-то начинался с трудом сдерживаемый, приглушённый в подушку смех, и через несколько минут вся спальня «потухала», заражённая общим весельем. Мне оставалось только с грустью думать о завтрашнем подъёме и о зарядке, на которой мои добрые молодцы будут напоминать марсиан, свалившихся с Луны.

Наш автобус

Иногда взрослые настойчиво пытаются доказать, что работа, да ещё и летом, ничего, кроме вреда, детям не принесёт.

Трудовые усилия детей могут проявляться в разных областях: в лесничестве, в саду и на поле, на строительстве стадиона, в мелиорации, при создании экологических троп и т.д. Это всегда лучше, чем попытка добыть деньги, моя стекла автомобилей или таская грузы в магазин. Дети не только трудились, но и учились, отдыхали, занимались самосовершенствованием.

Несостоятельными оказались и опасения: выполняют ли ребята работу высокой квалификации? Всегда в каждом лагере выделялись умельцы, которым доверялась и кладка кирпича на строительстве, и обязанности техников в топографо-геодезических работах и мелиорации. Всегда были десятки школьников, стремящихся изучить и освоить технику. Рационализаторским предложениям не было конца: некоторые в виде шуток, но среди них — и достаточно полезные. Я уже не говорю о кипучей детской инициативе. Расскажу лишь об одном эпизоде, который, не оказавшись рядом 46 свидетелей, мог бы показаться не былью, а сказкой.

Первая моя поездка со школьниками была в Тамбов. Зимой группа мальчишек стала предлагать нашему отряду уехать на следующий год «куда-нибудь подальше». Я ответил: «У нас нет денег на дорогу. Если придумаете что-нибудь — поедем хоть на край света». Дальнейший сюжет развивался практически без моего участия. Ребята отыскивают автобус, предназначенный в металлолом. Сдают после соответствующей договорённости на склад металлолом, равный по массе автобусу. Договариваются с рабочими из соседнего гаража на выполнение любой «чёрной» работы с условием довести «наш» автобус до «полной кондиции». Около двадцати школьников ежедневно в весенние месяцы после уроков трудятся на лесоскладе, зарабатывая деньги на продукты, на зарплату шофёру и на бензин.

Груда металла вновь стала автобусом. А ребята — его хозяевами. В это было трудно поверить, но в начале июня наш автобус, за баранкой которого сидел наш (полностью наш!) шофёр, с сорока пятью пассажирами, с флягой топлёного масла, мешком гречневой крупы и некоторой суммой денег про запас, стартовал от стен родной школы, держа путь на Кавказские Минеральные Воды...

Мы проработали всё лето в Пятигорске, отдохнули на побережье Азовского моря и вернулись в Москву.

Вот что могут наши дети! И говорите после этого, что труд — это школьный урок, и ничего кроме!

Педагогическая «победа»

В нашем трудовом отряде было много ребят, стоявших на учёте в милиции. «Чтобы ты под поезд попал!» — провожает мама одного из «трудных». Это не шутка. У неё очередной муж, и сын мешал. И вообще зачем нужен сын, если он только мешает обрести новую, красивую жизнь! А таких ребят много.

Это несчастные, брошенные взрослыми дети. Они не умеют ничего: ни работать, ни общаться, ни привести в порядок свой костюм и свою постель. И с ними надо быть постоянно начеку: как только они собирались небольшой группой, что-то ломалось, рушилось, загоралось: в них жил постоянный дух разрушения.

В этом же году я познакомился с системой П. Иванова по природному оздоровлению и был счастлив, так как нашёл то, что искал многие годы, — систему, дающую возможность нашим детям и внукам адаптироваться в сложной экологической и психологической обстановке, систему, позволяющую быть постоянно здоровым физически, психически и нравственно.

Говорят, что труд убивает время; но последнее, нисколько от этого не уменьшаяся, продолжает служить человечеству и всей вселенной постоянно в одинаковой полноте и непрерывности.

Козьма Прутков

Я мечтал, что пример педагога заразителен, что ребята вместе со мной будут обливаться два раза в день, бросят курить. Тщетно. Лишь иногда они выходили посмотреть, как я обливаюсь, и вновь — дымок из-за сосен. А когда в субботу, приезжая с поля на обед, я выходил из автобуса, то поднимал кверху руки и говорил, что буду питаться воздухом, — и дети быстренько стороной обходили меня и мчались к столовой, с ужасом глядя в мою сторону. Сознательное пребывание почти на протяжении суток без пищи и воды человеком, находящимся на казённых харчах,

делало меня в глазах подростков существом хотя и сильным, но опасным и подозрительным.

Чего я только ни изобретал по части отдыха, культуры и спорта, чтобы как-то украсить их жизнь! Выписывал кучу журналов, но не видел читателей — только «листателей». Что их привлекало? Конечно же, картинки. Как с этим бороться? А может, вместе обсуждать «фотки», чтобы переходить, медленно и ненавязчиво, к самой статье?

За мат штрафовали. Но был год, когда мне пришлось прикидываться плохо слышащим, иначе не хватило бы их колхозной получки.

Стоял я однажды на свекольном поле, мои «трудяги» — где-то в метрах ста от меня. С удивлением увидел, как они что-то рассматривают в развёрнутой газете, потом под-

Даже простой материальный труд нельзя делать с любовью, зная, что он делается напрасно...

А.И. Герцен

ымаются и, размахивая ею, возбуждённые и радостные, бегут ко мне. Наконец-то! Счастливые минуты педагогической победы! Не пропали мои труды, что-то пробудилось в них; какой-то сюжет заставил их переживать и радоваться. Они уже близко от меня... В руках не то «Московский комсомолец», не то «Комсомольская правда» (а тогда всё, что писалось в газетах, считалось гениальным): «Смотрите, смотрите, здесь написано, что «бля» не ругательное слово!» Было много и другого. Но, несмотря ни на что, кончили сезон нормально, без ЧП. Кроме зарплаты каждый получил овощной подарок: свёкла, морковь, огурцы, кабачки, патиссоны — всего 49 кг. Машину пригнали из совхоза прямо к дверям школы.

Испытания

Они поджидают подростка с самого начала этого возраста. «Я тебя люблю и готова стать твоей женой, но очень боюсь «котлет», — говорит героиня одного кинофильма своему

избраннику. Вот эти-то «котлеты», эти каждодневные мелочи быта, с которыми школьник должен с детства справляться быстро и с улыбкой, для многих на первых порах были тяжёлым бременем. Дома как-то незаметно добрые гномики (читай: мама и бабушка) готовили обед, стирали и гладили бельё, сушили обувь, ставили заплатки на костюм. А здесь всё приходилось делать самому. Понемногу учились. Но эпизоды первых стирок белья могли бы стать лучшими кадрами кинокомедии. Не могу без улыбки вспоминать один случай.

Мы работали с ребятами на осушении болот. Не помню, по какой причине мне пришлось раньше времени вернуться домой в деревню. Что же я вижу? На столе — горы грязной посуды (прошло два часа после завтрака), в комнате не убрано, на постели, прямо в кроссовках, лежит наша дежурная и читает том об эстетике, воплощение которой — раскидано, развалено, разбросано вокруг.

Тяжёлым испытанием было дежурство по кухне, если приходилось готовить самим. Большие вёдра и котлы, подъём в пять утра, а самое главное — обеспечить 30–50 человек четырёхразовым питанием. А ещё всю посуду надо отмыть и сдать придирчивым дежурным следующей смены. Первые дни наши «работники кухни» были злее мегер, проклиная всех, кто решался просить добавки или, дай Бог, критиковать однообразную еду. Но скоро на их лицах засветились улыбки, а на столах появились симпатичные самодельные вазочки с полевыми цветами... А вместе с этим — и кулинарные выдумки: «А не сделать ли нам оладьи со сметаной или запеканку?» Кто бы мог подумать, что две недели тому назад яичница была для многих пределом поварского искусства.

Но нет страшнее испытания летом, во время каникул, чем «чёрная» работа. Вспоминается наш трудовой лагерь в Подмосковье. Дождь уже прошёл, но за

два дня он успел превратить полевые дороги в сплошное месиво; за окном сыро и неуютно, а у меня на душе ещё хуже: «забастовка». Ребята отказываются от «грязной работы». Действительно, в такую погоду в поле плохо работает и техника. Моя пламенная речь о воспитании в себе способности терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные, «чёрные» успеха не имеет. Подвожу итог: «Я сейчас иду к управляющему отделением и прошу у него для нашего отряда самую сложную работу, которая только есть. Иначе мы просто смалодушничаем. Наше трудовое объединение добровольное — несогласные могут уехать домой!

Самую «чёрную» работу нам дают. Объявляю: «Идём чистить курятник от навоза. Кто согласен — за мной. Обернуться было, честно говоря, страшновато... Но в Москву не уехал никто! Через 4 часа, порядком усталые, мы сидели на траве и рассуждали о том, как эту работу механизировать и сделать намного «чище». Ребячьи предложения, как всегда, были серьёзные и интересны. Техническое образование педагога также сыграло свою позитивную роль.

Очень удивляла ребят потребность в их школьных знаниях. Дело в том, что они были уверены, что школа — сон, который быстро забудется. И неважно, страшный он или радостный. Нужно было показать, что это реальность и знания очень даже нужны. Для этого нам и лето! Например, на топографо-геодезических работах школьникам пришлось овладеть довольно сложными инструментами и техникой вычислительных работ (немного я подготовил их к этому в Москве) и показать свои математические способности, а также осведомлённость в некоторых вопросах физики и географии.

Как-то мы занимались проектированием и строительством стадиона в Подмосковье. В наших руках опробованная столетиями «техника»: штыковая лопата и самодельная трамбовка. И вдруг неожиданный подарок: в огромном ящике вибратор (то, что нам нужно!) из «забугорья» с инструкцией... на немецком языке. Половина школьников изучала немецкий язык. И всё же выяснилось, что плохо. После двухчасового совместного мучения в Москву за словарём был отправлен гонец, а машина поручена одному из старших ребят — парню технически грамотному, про которого наша «немка» говорила,

что он заниматься может (вот это нам и нужно), но ленится. Итак, немецкий стал всем необходимым.

И второй случай. Во время строительства телятника однажды исчезли со стройки в неизвестном направлении все взрослые рабочие. Последним уходил прораб, который, произнеся маловразумительную речь, сунул мне в руки строительные чертежи и попытался что-то уточнить. Вот и засели мы с ребятами и стали разбираться в чертежах, казня себя за все наши огрехи в черчении. А кирпич подвозили, надо было строить. Всё как будто прошло нормально, если не считать, что телятник мы построили без одного окна, которое было запланировано. Так что «учиться — всегда пригодится»; и это ребята испытали на себе.

Трудовой лагерь вызывает иногда серьёзную переоценку ценностей. Тут в почёте и уважении тот, кто надёжен, вынослив, изобретателен, весел. Современная школа считает своей задачей давать знания, и только знания. Вот почему зубрила подчас выше рукодела, выше того, у кого «золотые» руки. В ЛТО «рукастые» заслуженно вперди.

Нелёгким было для многих подростков испытание работы в коллективе. Учёба ведь — труд в основном индивидуальный, а где же приобрести навыки коллективного? Бригады школьников составлялись по принципу добровольности и в них входили «неразлучные» (как им казалось) друзья и подруги. Но труд был суровым экзаменатором. Наряду с бригадами, познавшими лучшее в коллективном труде — чувство локтя, товарищества, взаимовыручки (мы не раз были свидетелями того, как в этих бригадах ребята старались выполнить незаметно норму своего уставшего товарища, как были бережны и заботливы друг к другу), — были и другие бригады, где болезнь или любое недомогание ставилось под сомнение, вызывало упрек. Много огорчений приносили бригады, работав-

шие при постоянных склоках: каждому члену такой горе-бригады казалось, что его напарник работает хуже или вообще «халявничает».

Летние поездки стали также испытанием нашего умения отдыхать. Ребята часто выступали с концертами самодеятельности, остроумно поздравляли именинников, красочно и весело праздновали окончание работ. Играли в футбол, волейбол, настольный теннис, шахматы, шашки, с удовольствием и много купались. Однажды мы проводили свою олимпиаду (ведь мы были любители и могли соревноваться лишь в воскресенье или после работы). Был замечательный конкурс жриц, зажжение Олимпийского огня, Олимпийское знамя с огромными кольцами (в знамени кладовщик с ужасом опознал совхозную простыню), соревнования по 14 видам и, конечно, медали: золотые, серебряные, бронзовые. А олимпийских видов спорта обнаружилось столько, сколько я и не знал.

Ребята вместе превосходят педагога, в том числе по объёму знаний. Поэтому не будем бесконечно «помогать» им, превращая в иждивенцев!

Трудовое лето постоянно дарило ребятам открытия, без которых юность просто невозможна...

Добрые следы

География наших трудовых десантов разнообразна: Московская область и Краснодарский край, Пятигорск и Тамбов, Нечерноземье и Волгоград. И после каждой поездки школьники по-новому смотрят на географическую карту, по-иному читают газетные сообщения, ищут строки о тех местах, где оставили добрые следы.

Заповеди лагеря труда и отдыха таковы:

- Любая работа должна быть выполнена с высоким качеством. Соревновательность отрядов — верный импульс к этому.
- С любовью изучай ту землю, на которую приехал, на которой трудишься.

Тон-стёб:

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПОСЕЩЕНИЮ СТОЛОВОЙ

1. Регулярность посещения столовой обусловлена физиологическими особенностями человеческого организма и описывается лаконичной формулой «Кушать хочется!»
2. Посещение столовой осуществляется *организованно и скопом*. Индивидуалы изгоняются и возвращаются не ранее чем через 30—40 секунд.
3. В столовой обычно едят ртом.
4. Допустимая громкость чавканья — *не выше 120 децибел*.
5. Изредка допускается синхронное выкрикивание лозунгов, вроде: «*Спасибо нашим поварам!*», «*Приятного аппетита!*» и «*Ешь ананасы, рябчиков жуй...*»
6. Следящим за фигурой лицам дамского пола рекомендуется не прятать котлеты с последующим выбрасыванием. Лучше отдавать их мужской части населения отряда ещё до припрятывания.
7. Фанаткам различных диет напоминаем: *фигуру портит не столовая, а отсутствие физической нагрузки, то есть спорта*.
8. Знай меру, утаскивая после ужина хлеб в комнату: *бери, сколько съешь, а не сколько унесёшь!*
9. Завтрак съешь сам, обед съешь сам, а вот ужин... съешь сам! Полдник можешь проспорить другому.
10. Едой наказывать нельзя! Какой бы ты ни был балбес (балбеска), — тебя всё равно накормят.
11. Опоздал в столовую, — вали и не скули. Или попроси — и в протянутую руку вложат бутерброд.
12. Люби столовую — источник радости, силы и компота! **В.Ш**